

М.М.КЕРИМОВА, О.Б.НАУМОВА

**Алексей Николаевич Харузин —
этнограф и антрополог**

Алексей Николаевич Харузин (1864—1932) принадлежал к уникальной в своем роде семье талантливых российских ученых. Выходцы из богатого купеческого рода, три брата — Михаил, Николай, Алексей — и их сестра Вера¹ выбрали нелегкую стезю науки. Все они связали свою судьбу с этнографией и антропологией и внесли неоценимый вклад в сокровищницу русской научной мысли. О каждом из них можно написать исследование, что до сих пор, к сожалению, не сделано. Харузины заслуживают обстоятельной монографии также и потому, что их жизнь и творчество были тесно связаны с историей России и свидетельствовали об их глубоком интересе к русскому и другим славянским народам, а также к многочисленным нерусским народам и этническим группам, населявшим Российскую империю.

Исследователь вряд ли пройдет и мимо факта знакомства братьев и сестры с такими видными русскими политическими и культурными деятелями, как П.А.Столыпин, В.К.Плеве, М.М.Ковалевский, В.Ф.Миллер, Д.Н.Анучин, А.Н.Пыпин, М.Н.Сперанский, М.П.Погодин, А.Н.Веселовский, А.А.Шахматов, А.В.Висковатов и др. Большая и дружная семья Харузиных всегда была в центре культурной жизни Москвы, где они родились и где прошла большая часть их жизни.

Научное наследие Харузиных насчитывает более трехсот опубликованных работ, а их библиотека, хранящаяся в Отделе редких книг научной библиотеки Московского университета, содержит 7449 единиц хранения, среди которых — научная литература по разным отраслям знаний, художественные произведения на русском, французском и немецком языках, русские и иностранные журналы, оттиски из разных периодических изданий².

Огромную ценность представляют архивные документы разных лет, принадлежавшие Харузиным (воспоминания, переписка и т.д.), которые хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 81). В 1995 г. авторами был обнаружен личный архив А.Н.Харузина³,

который до этого времени в неразобранном виде находился в Отделе редких книг библиотеки Московского государственного университета (он был передан сюда в 1906 г. А.Н.Харузиным; имеется акт о его передаче). Нами была проведена работа по подготовке материалов архива А.Н.Харузина к составлению описи (эта работа велась параллельно с реставрацией архивного фонда и последующей обработкой его сотрудниками Российского государственного архива литературы и искусства — РГАЛИ)⁴.

К занятиям этнографией Алексея Харузина приобщил его старший брат Михаил. Михаил Николаевич Харузин (1860—1888) за свои 28 лет жизни сделал немало. Он увлеченно занимался изучением обычного права народов России, оставил несколько значительных печатных работ. Еще во время учебы в Московском университете Михаил стал секретарем Этнографического отделения Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ).

Младший брат Алексея Харузина — Николай (1865—1900) был также человеком выдающихся способностей и разносторонних интересов. Почти все его труды, а их немало, посвящены изучению археологии, быта и нравов народов российского Севера, Закавказья и Северного Кавказа. Золотую медаль ОЛЕАЭ получила монография Николая Харузина «Русские лопари. Очерк прошлого и современного быта» (1890), которая во многом была открытием русской этнографической науки. Вместе с В.Ф.Миллером он стоял у истоков создания журнала «Этнографическое обозрение» (с 1889 г.), был его техническим редактором (первые выпуски журнала издавались на личные средства Н.Н.Харузина). Будучи инициатором введения курса этнографии в высших учебных заведениях России, он первым читал курсы по этнографии народов мира и истории первобытного общества в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков. Трудно переоценить влияние этнографических интересов рано ушедших братьев Михаила и Николая Харузиных на научную деятельность Алексея.

Жизнь Алексея Николаевича Харузина была яркой и многотрудной. После окончания Московского университета А.Н.Харузин поступает на государственную службу. Его послужной список очень разнообразен. Начиная с 1890-х годов он был чиновником особых поручений при губернаторе Эстляндии, управляющим канцелярией Виленского генерал-губернатора, губернатором Бессарабии и почетным мировым судьей Аккерманского уезда, директором Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, товарищем министра внутренних дел России

А.А.Макарова (с 1911 г.), сенатором, имел придворное звание гофмейстера императорского двора (с 1913 г.). А.Н.Харузину было присвоено звание почетного гражданина многих городов Бессарабской губернии; он имел российские, болгарские и бухарские ордена и медали. По свидетельству недавно умершей родственницы Харузиных — И.Е.Огневой⁵, за несколько лет до революции Алексей Николаевич подал в отставку из-за «несогласия с царской политикой того времени, и в частности с политикой министра Макарова» и ушел с государственной службы. После революции А.Н.Харузин работал в Тульской губернии на Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции, одним из организаторов которой он сам и был. Он проводил исследования и написал несколько книг по огородничеству. Из-за болезни жены, баронессы Наталии Васильевны фон дер Ховен (дочери контр-адмирала В.Ховена), А.Н.Харузин в 1924 г. возвратился в Москву. Здесь он устроился на работу в Сельскохозяйственный политехникум автором-преподавателем в садово-огородное отделение и составил несколько учебных пособий для учащихся.

В 1927 г. А.Н.Харузин был арестован ГПУ в числе так называемых «бывших» — людей, в прошлом связанных с царской администрацией: бывших крупных купцов, бывших офицеров царской армии, фабрикантов, а из интеллигенции... адвокатов, врачей, инженеров» (из записок И.Е.Огневой). Через некоторое время его отпустили, так и не предъявив обвинения. Вторично А.Н.Харузин был арестован 21 февраля 1932 г. вместе с сыном Всеволодом по обвинению в антисоветской агитации. Желая выяснить судьбу ученого, мы обратились в Центральный архив Федеральной службы контрразведки Российской Федерации (ЦАФСР). В ответе из архива говорилось о том, что до ареста в 1932 г. А.Н.Харузин работал консультантом в Сельхозгизе по огородничеству. 3 апреля 1932 г. постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ он был осужден по статье 58—10 УК к высылке на 3 года и 8 мая этого же года умер от сердечной недостаточности в больнице при Бутырском изоляторе⁶. Реабилитирован в 1989 г. Каких-либо документов и рукописей в деле А.Н.Харузина, хранящемся в Архиве ФСБ, не значится.

Беды семьи А.Н.Харузина не завершились после его трагической смерти. Его сын Всеволод был выслан 5 мая 1932 г. на три года в лагерь Беломорско-Балтийского канала, освобожден досрочно «за ударную работу», а в 1935 г. вновь арестован. И.Е.Огнева, присутствовавшая на суде над Всеволодом Харузиным, пишет, что ему вменяли в вину и «прошлое» его отца — «зубра контрреволюции», «участника заговоров» и т.п. В частности,

говорилось о том, что, будучи губернатором Бессарабии, он устроил кровопролитный еврейский погром в Кишиневе. Однако в другом месте своих воспоминаний И.Е.Огнева упоминает, что жена А.Н.Харузина во время его ареста представляла в ОГПУ документы, свидетельствующие, что он «строжайшими мерами не допустил еврейского погрома» во время своего губернаторства. Всеволод Харузин, мужественно защищавший своего отца на суде, сказал, что он гордится им, что все обвинения против отца специально подтасованы, что он был научным работником по призванию и занимался только наукой до последнего дня перед арестом. В.А.Харузина как «закоренелого контрреволюционера» приговорили к высшей мере наказания, но после ходатайств матери заменили на 10-летнее тюремное заключение. В 1939 г. Н.В.Харузина получила в ответ на свои многократные запросы извещение, что ее сын выслан без права переписки. Вероятно, он погиб в лагерях еще в 1937 г. Подверглась репрессиям и сама Наталия Васильевна. В 1932 г. у нее был отобран паспорт и назначена ее высылка за стокилометровую зону от Москвы. Болель Н.В.Харузиной, а также хлопоты И.Е.Огневой за нее в ОГПУ несколько отдалили отъезд из Москвы. Осенью 1937 г. Н.В.Харузина как «мать врага народа» была выслана в Малоярославец, где и скончалась в 1943 г. (Трагично сложилась судьба и старших сыновей А.Н.Харузина. Старший, Мстислав, после участия в гражданской войне на стороне белых, оказался в эмиграции, а Олег в двадцатидевятилетнем возрасте умер от туберкулеза.)

* * *

Таковы вехи биографии А.Н.Харузина. А его научная деятельность началась вскоре после окончания естественного отделения физико-математического факультета Московского университета (1889 г.) и получения степени магистра зоологии Дерптского университета (1892 г.). Еще будучи студентом первого курса Университета, А.Н.Харузин участвовал в научной экспедиции в Закавказье по поручению ОЛЕАЭ и РГО. Летом 1886 г. зоологическим отделением Общества любителей естествознания при Московском университете он был командирован в Крым, на Босфор и Эгейское море. В следующем году Общество любителей естествознания при Московском университете направляет Харузина в киргизскую Букеевскую степь с целью изучения этнографии и антропологии населяющих ее казахов*, а также природы края (привезенный из этой экспедиции наглядный матери-

* В конце XIX — первой четверти XX в. казахов в литературе обычно называли киргизами.

ал по птицам, пресмыкающимся и насекомым до сих пор хранится в зоологическом музее МГУ, а также в Государственном Дарвиновском музее). В 1888 г. он вторично посещает Букеевскую степь, а в 1889 и 1891 гг. — Крым и Кавказ.

Конец 1880-х — первая половина 1890-х годов — период плодотворной научной деятельности А.Н.Харузина. С 1888 по 1895 г. он опубликовал около 30 работ, посвященных главным образом трем темам: 1) антропологии и палеоантропологии разных народов России, 2) антропологии и этнографии казахов, 3) вопросам истории и антропологии Эстляндской губернии.

В этот период А.Н.Харузин серьезно увлекся антропологией. Осенью 1889 г. 25-летнего Алексея Харузина избирают секретарем Антропологического отдела ОЛЕАЭ, и в 1890—1891 гг. он редактирует «Дневник Антропологического отдела». В 1890 г. вышло 10 выпусков «Дневника», и почти в каждом из них читатель найдет одну-две статьи или небольшие заметки А.Н.Харузина. Он откликается практически на все вопросы, обсуждавшиеся в Антропологическом отделе. Особенно его интересует антропология тюркских народов. Так, во втором выпуске «Дневника» была опубликована статья П.С.Назарова об антропологии башкир, и тут же, в этом выпуске А.Н.Харузин публикует собственные вычисления, предпринятые им на основании материалов Назарова. Сравнивая данные по отдельным башкирским родам с имеющимися у него антропологическими данными по казахам, киргизам, узбекам, сартам и крымским татарам, он определяет степень антропологической близости башкирских родов с этими народами⁷. Так же незамедлительно отзывается он на работу Н.В.Гильченко по антропологии осетин⁸, публикуя свою статью через несколько месяцев после выхода книги. «Интересуясь вообще, — пишет он, — типом тюркским и его влиянием на другие типы, я лично заинтересовался этим вопросом и у осетин. Предпринимая известные вычисления по материалу Н.В.Гильченко и сопоставляя цифры с имеющимся у меня цифровым материалом, я пришел к некоторым очень определенным заключениям». В частности, А.Н.Харузин увидел «влияние тюркской крови» в цвете волос и глаз, брахицефалии, отчасти — волосатости, межглазничном пространстве и форме ноздрей осетин⁹.

В «Дневниках» же А.Н.Харузин публикует несколько заметок об антропологии татар Южного побережья Крыма, написанных им на основе собственных измерений 35 человек, а также данных, которые он получал от своих крымских корреспондентов¹⁰, и небольшую заметку по антропологии казахов¹¹. И когда в 1890 г. в Москву в составе выставки «Первобытная Америка» прибыли индейцы группы племени сиу, А.Н.Харузин, конечно

же, не мог упустить возможности произвести над ними антропологические измерения¹².

В это же время Алексей Харузин публикует несколько палеоантропологических работ. После поездки 1889 г. на Южный берег Крыма, где он вместе с братом Николаем провел разведочные раскопки могил в дер. Гурзуф и урочище Гугуш, А.Н.Харузин пишет солидную работу¹³, в которой подробно анализирует показатели по 20 найденным черепам, сопоставляя их с опубликованными материалами В.Ф.Миллера и Д.Н.Анучина. Антропологический тип черепов, характер захоронения и вещи из могил дают ему основание предположить, что раскопанные могилы принадлежали готам. А.Н.Харузин обрабатывал и отдельные черепа, полученные Антропологическим отделом из разных мест — Дьяковского городища и с. Троицкое Московского уезда, Кудярова обрыва Саратовской губернии и др.¹⁴. Он публиковал результаты своих замеров, определял антропологические типы черепов, сопоставлял их с другими краниологическими данными.

С 1890 по 1895 г. А.Н.Харузин опубликовал 15 работ по антропологии разных народов. Он придавал большое значение непосредственным антропологическим измерениям и публикации абсолютных цифр, но, кроме того, настаивал на необходимости вычисления и сравнения соотношений отдельных размеров, что существенно расширяло возможности сравнительной антропологии. А.Н.Харузин сам стал производить такие вычисления на основании и собственных, и чужих материалов. За время «антропологического» периода своей деятельности он составил, выражаясь современным языком, банк антропологических данных и в своих работах привлекал их в качестве сравнительного материала для определения антропологической близости народов. Так, антропологические данные по казахам Букеевской орды он сравнивает с материалами почти по 120 народам, в том числе не только по близким им тюркским народам Средней Азии и Поволжья, но даже по индейцам сиу, которых он в свое время обследовал (см. выше). Анализируя полученные им антропологические замеры новобранцев Эстляндии, он сопоставляет их с аналогичными показателями 70 народов России. По-видимому, А.Н.Харузин собрал в своем «банке данных» весь накопленный к этому времени антропологический материал. Огромная работа, проделанная Алексеем Харузиным на поприще антропологической науки, была очевидна уже его современникам. В 1890 г. он получил золотую медаль ОЛЕАЭ за «энергичную и полезную деятельность в качестве секретаря Антропологического отдела, выразившуюся в заботах об изданиях и научных собраниях Отдела, и за многочисленные научные труды в области антрополо-

гии»¹⁵ и был избран в действительные члены Общества. Современные антропологи также высоко оценивают точность измерений и добросовестность публикаций А.Н.Харузина и продолжают использовать их в своих работах¹⁶.

* * *

Поездки 1887 и 1888 гг. в Букеевскую степь, в междуречье Волги и Урала, к казахам Внутренней (Букеевской) орды дали А.Н.Харузину материал для серии работ по этнографии и антропологии казахов. Он опубликовал семь работ по этой теме, начиная с небольших «Заметок о карте Букеевской степи» и до солиднейшей многостраничной двухтомной монографии «Киргизы Букеевской орды». ОЛЕАЭ наградило А.Н.Харузина за эти поездки большой серебряной медалью. За свой труд «Киргизы Букеевской орды» он получил премию А.П.Разцветова от Антропологического отдела ОЛЕАЭ, золотую медаль от РГО и малую серебряную медаль за антропологические и этнографические снимки от фотографического отдела Московского общества распространения технических знаний.

Увлеченный антрополог, А.Н.Харузин во время своих поездок не мог обойти вниманием курганы Букеевской степи. Он со своими помощниками раскопал 36 курганов, найдя в них 29 черепов. Тщательные описания курганов, способа погребения и вещей, антропологические замеры скелетов и черепов опубликованы им в «Известиях» ОЛЕАЭ¹⁷. Анализ материала привел его к заключению, что раскопанные курганы относились к XIV в. и «принадлежали кочевому народу тюркского типа с незначительно выраженными монгольскими чертами, но племени не чистому, а состоявшему из представителей разных антропологических групп, стоящих то ближе к монгольству, то дальше от него»¹⁸. В дальнейшем эти выводы послужат А.Н.Харузину для его этногенетических построений. Как это обычно для его работ, А.Н.Харузин привлекает большой сравнительный материал «на север и на запад от Букеевской степи лежащих областей» — он сопоставляет способы погребения, антропологический тип погребенных и форму курганов Донской степи, Херсонской губернии, Башкирии и Сибири и приходит к выводу, что исследуемый им материал имеет с ними мало общего, а сходство «следует ожидать в восточных степях, т.е. собственно в Казахстане, где палеоантропологические исследования в то время не проводились».

Примечательно, что некоторые русские журналы сочли необходимым ознакомить читателей с этой, казалось бы, узко специ-

альной работой, опубликовав ее более или менее подробное изложение¹⁹.

Свои непосредственные впечатления от поездки в Букеевскую степь А.Н.Харузин описал в «Степных очерках»²⁰. Это — беглые путевые заметки, ироничный рассказ о провинциальной жизни Ханской Ставки — столицы Букеевской орды, описание охоты на птиц и сбора другого зоологического и ботанического материала и т.д. Для этнографа интересны вскользь брошенные замечания о малой религиозности казахов и увеличении ее под влиянием татар, о постепенной утрате казахами традиционного образа жизни и их работах на соляных промыслах. По всей книге разбросаны краткие описания казахского аула, интерьеров богатых и бедных юрт, их конструкции и типов, отдельных элементов одежды, некоторых обычаев и обрядов и еще многих других деталей и черточек быта казахов Букеевской орды. Один из рецензентов остроумно назвал эту книгу А.Н.Харузина «небольшой прелюдией на киргизские темы», предвещающей «громкую симфонию» — его двухтомную монографию о казахах^{20а}. И действительно, в ней краткими зарисовками обозначены темы, которые подробно анализируются в «Киргизах Букеевской орды».

Шестисотстраничный первый выпуск «Киргизов Букеевской орды» посвящен в основном этнографии букеевских казахов. А.Н.Харузин сознательно уходит от простого описания их быта, подчинив изложение своего материала одной проблеме, которую он сформулировал так: «О распадении старинного быта киргизов, замечаемом в Букеевской орде». Это «распадение старинного быта» он прослеживает в родовом, сословном и семейном устройстве казахов, их религиозных представлениях, образе жизни и т.д. Опорой, на которой держалась традиционная культура казахов, был кочевой образ жизни. Постепенный переход к полукочеванию и оседлости, а также меры Российского государства по проведению новых административных границ, не совпадающих с родовым устройством казахского общества, привели к размыванию родо-племенной структуры, положили начало утрате многих обычаев и обрядов. Процесс разложения традиционных институтов шел так интенсивно, что А.Н.Харузин констатировал: «Букеевская орда... теряет старинный быт с невероятной быстротой»²¹.

Большое внимание А.Н.Харузин уделяет личности хана Джангира (правил с 1824 по 1845 г.), европейски образованного правителя Букеевской орды, который положил начало оседлости букеевских казахов, а также насаждал, иногда насильственными методами, ислам в степи; призвав мулл из татар, он усилил татарское влияние на казахов.

Татарское влияние рассматривается А.Н.Харузиным не столько в научном, сколько в политическом плане. Он считает усиление ислама и укрепление положения татар среди казахов крайне нежелательным: «Не следует потакать враждебному нашим государственным началам направлению магометанско-татарскому»²². Резко отрицательно относится он к татарским школам — «рассадникам татарской, враждебной для русских, культуры»²³. Такое негативное отношение А.Н.Харузина к татарскому влиянию связано, видимо, с его идеей о желательности «слияния» казахов с русскими²⁴, чему, по его мнению, препятствуют татары, укрепляющие среди казахов магометанство. Идея эта А.Н.Харузиным четко не сформулирована, и под «слиянием» он, очевидно, понимает процесс культурной ассимиляции казахов русскими. Однако ему приходится признать, что влияние русских на казахов невелико, влияние же татар «распространяется более успешно... на стороне последних стоит язык, а главное, религия»²⁵.

В своей монографии А.Н.Харузин поднимает вопросы, которые лишь спустя десятилетия стали предметом научного обсуждения, — пути модернизации доиндустриальных обществ, ощутивших экономическое, политическое и культурное воздействие европейских государств. Процесс перехода от традиционных к модернизированным обществам оказался настолько значительным и специфичным, что современные востоковеды выделяют целый исторический период, который требуется для перестройки и трансформации компонентов, унаследованных от традиционного общества, в новое, модернизированное²⁶. Этот исторический период переживается сейчас большинством азиатских и африканских государств. А начался он в колониальную эпоху. Начало этого процесса у казахов и увидел А.Н.Харузин. Он описал типичные черты переходного периода — маргинализацию части населения, лишенной возможности вести традиционный образ жизни, появление частично европеизированной верхушки общества, изменения в психологии бывших кочевников и т.п. К сожалению, он не оценил по достоинству роль татар как посредников между европейской и восточной культурами, хотя и верно и образно описал ее: «Цивилизующийся киргиз сбрасывает свой киргизский халат и надевает кафтан татарского покроя... сбрасывает свою шапку... и надевает татарскую, он забывает свое, стыдится обычаев своих, предками завещанных, и льнет к татарину как к умственному и нравственному авторитету»²⁷. Как раз более европеизированные, чем казахи, татары, на наш взгляд, смягчали для последних резкость начавшегося перехода, делая более постепенным и менее болезненным проникновение новых элементов в культуру казахов.

Новый период в историческом развитии казахского общества, зафиксированный А.Н.Харузиным, не протекал безболезненно. Анализируя экономическое состояние казахских хозяйств, ученый отмечает ухудшение их положения, а также ухудшение здоровья и питания казахов. Понимая, что основа прежнего благосостояния казахов — кочевое скотоводство — подорвана, он не видел, что может помочь казахам выжить в новых для них условиях. Происходящие перемены были, видимо, так резки, а упадок традиционного быта так стремителен, что А.Н.Харузин говорит даже о «падении», о «вымирании» казахов, которые пойдут, по его мнению, «по общему пути вымирания инородцев, и букеевцы сделают этот шаг первые. Вымрут... в силу жизненных условий, которые их сначала оторвали от их старого строя и сблизили с иным, им чуждым, затем поставили их в конкуренцию с другими народностями, имеющими за собой более древние культурные традиции, — вымрут все, кто вовремя не сольется с элементом или русским, или татарским»²⁸. К счастью, казахи как народ не погибли даже после насильственного перевода их на оседлость, против которого провидчески предупреждал А.Н.Харузин²⁹, и коллективизации, хотя людские потери от этих кампаний были огромны — два миллиона человек.

Первый выпуск «Киргизов Букеевской орды» содержит также и антропологические сведения. А.Н.Харузин определяет здесь антропологический тип казахов как «продукт смеси различных народностей, как монгольской, так и европейской рас», а с течением времени, по его мнению, образовался и продолжает образовываться «средний антропологический тип», свойственный только казахам³⁰, что соответствует современным представлениям об антропологии казахов.

Второй выпуск «Киргизов Букеевской орды» вышел в 1891 г. и полностью посвящен антропологии. Он содержит огромный цифровой материал по 150 букеевским казахам, которых измерял сам А.Н.Харузин, сравнивая с несколькими десятками представителей других народностей. Объяснения антропологическим таблицам автор намеревался дать в продолжении своего труда, которое, как он сообщал в предисловии, уже печатается. Однако вторая часть второго выпуска «Киргизов Букеевской орды» так и не вышла в свет. Эта загадка научной биографии А.Н.Харузина еще не разгадана. Возможно, ответ надо искать в событиях его жизни 1891 — 1893 гг. — отъезд из Москвы, женитьба, рождение сына. Но не исключено, что были другие причины. Переписка А.Н.Харузина и материалы личного архива, находящиеся в настоящее время в процессе изучения и подготовки к публикации, вероятно, смогут пролить свет на этот вопрос.

Исследование А.Н.Харузина получило широкий отклик в российском обществе. Почти все видные журналы того времени («Этнографическое обозрение», «Русская мысль», «Вестник Европы», «Русское обозрение», «Русский вестник» и др.) сочли необходимым опубликовать рецензии на первый выпуск «Киргизов Букеевской орды». В них были отмечены новизна исследования, «масса свежего чрезвычайно ценного материала», добросовестность автора и его редкая эрудированность. В целом труд А.Н.Харузина оценивали как «капитальное приобретение для антрополого-этнографической науки»³¹. «Вестник Европы» и «Русская мысль» не обошли вниманием и второй выпуск «Киргизов». Ознакомив читателей с основным содержанием книги, автор рецензии в «Русской мысли» оповещал их, что в своем следующем, заключительном выпуске А.Н.Харузин сделает «выводы первостепенной важности» — о новом разделении народностей на группы, не совпадающие с обычным делением по языку³². К сожалению, второй части второго выпуска не последовало.

Занимаясь проблемами этнографии казахов, А.Н.Харузин подробно изучал работы предшественников. Уже оба выпуска «Киргизов Букеевской орды» содержат обширнейший список литературы, а в 1891 г. А.Н.Харузин публикует в «Этнографическом обозрении» «Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов, с 1734 по 1891 г.» (каракиргизами в дореволюционной литературе именовали киргизов), вышедший и отдельным изданием³³. Указатель содержит около 760 названий книг, статей и заметок в сборниках и периодике того времени. Публикации расположены в хронологическом порядке, что несколько затрудняет пользование указателем. Большинство наименований снабжено аннотациями, в которых А.Н.Харузин приводит краткое содержание работы, упоминает особенно интересную информацию, дает сведения об авторе и используемых им источниках, о переизданиях или перепечатках публикаций.

Поражает количество газет и журналов, публиковавших статьи о казахах, и тот огромный труд, который проделал А.Н.Харузин, просматривая и аннотируя эти издания. В «Библиографическом указателе» учтены статьи не только из тех периодических изданий, которые в то время нередко печатали интересные материалы о быте казахов (Туркестанские, Оренбургские, Саратовские, Томские, Тобольские и другие губернские ведомости). Кроме них А.Н.Харузин использует еще более 80 наименований газет и журналов, которые с разной степенью регулярности публиковали информацию, связанную с казахами. И хотя в 1900 г. вышел из-

вестный «Указатель» А.Е.Алекторова³⁴, затмивший полнотой представленных публикаций и подробностью аннотаций к ним «Библиографический указатель» А.Н.Харузина, последний оставался до 1900 г. практически единственным трудом такого рода³⁵. Несмотря на недостатки, харузинский указатель послужил, как отмечалось в одной из рецензий на него, «настолюною книгой для всякого, желающего заняться изучением быта киргизов и каракиргизов»³⁶.

Занятия историей, антропологией и этнографией казахов, знакомство с исследованиями ведущих востоковедов своего времени позволили А.Н.Харузину перейти к наиболее сложному вопросу казахской этнографии — проблеме этногенеза. Его брошюра «К вопросу о происхождении киргизского народа» (М., 1895) стала одной из первых специальных работ в российской науке, посвященных этногенезу казахов³⁷. Она содержит два основных положения: 1) казахи сложились в единый народ к середине XV столетия, 2) казахи имеют «конгломератное» происхождение.

А.Н.Харузин отстаивает позднее происхождение казахов, споря с известным венгерским ориенталистом А.Вамбери, настаивавшим на древности их этногенеза, и аргументированно опровергает все его доказательства. И хотя сегодня среди ученых нет единого мнения на этот счет, но большинство их, как и А.Н.Харузин, полагает, что процесс образования казахской народности в основном завершился в XIV—XV вв. и даже позднее — в XV — начале XVI в.³⁸.

Излагая свою мысль, А.Н.Харузин подробно останавливается на истории входящих в состав казахов племен и родов, которые некогда были самостоятельными народами. Ученый считает, что такое «конгломератное строение» говорит о том, что «в киргизском народе нет ничего коренного и цельного», что в нем «отсутствует этнологическая и антропологическая цельность»³⁹. Однако сам же он выше признает «цельность» обычаев, обрядов, характера и языка казахов, настаивая лишь на отсутствии «общего физического типа киргизов»⁴⁰, а далее приходит к выводу, что «элементы слились в одно целое настолько, что вправе носить общее племенное название киргизов ("казаки"), но не настолько, чтобы составить стройную антропологическую группу»⁴¹. Таким образом, под «отсутствием этнологической цельности» А.Н.Харузин имеет в виду лишь все то же дробное родо-племенное строение казахов.

Что касается вопроса об «антропологической цельности», то современные антропологи считают, что казахи представляют собой единый консолидированный антропологический тип,

имеющий, однако, отчетливые локальные различия, вызванные в первую очередь «неоднородностью антропологического состава непосредственно исходных групп популяций»⁴². Видимо, в пылу полемики А.Н.Харузин несколько преувеличивал антропологические различия внутри казахов, так как выводы, сделанные им в первом выпуске «Киргизов Букеевской орды», полностью совпадают с приведенными оценками современных антропологов.

А.Н.Харузин, как многие его предшественники и современные ему ученые, занимавшиеся проблемами этногенеза, большое значение придавал политической истории в процессе сложения народа. Однако он пытался смотреть и глубже, поставив вопрос о том, «какие условия окружали эти племена, которые могли обусловить их сплачивание в нечто однородное и цельное, разросшееся до таких громадных размеров, как племя современных киргизов?.. Причина этого, — отвечает он, — лежит в степи — арене этих кочевых народов. Степь не знает преград... степь сама по себе есть объединяющий элемент»⁴³. Более обстоятельный ответ на поставленный сто лет назад А.Н.Харузиным вопрос пытаются найти сегодня этнографы и экологи в рамках концепции этнизации хозяйственно-культурных типов⁴⁴.

В 1891 г. А.Н.Харузин был назначен чиновником особых поручений при эстляндском губернаторе. Он переезжает в Ревель (Таллинн), который был ему хорошо знаком по юношеским годам — с 1873 по 1883 г. он, как и его старший брат Михаил, учился в Ревельской гимназии. В дальнейшем Алексей Харузин занимает должности секретаря Крестьянской комиссии, секретаря Губернского статистического комитета и секретаря Губернского по крестьянским делам присутствия. Эстляндский период его жизни заканчивается в 1895 г., когда он переходит на службу в Государственную канцелярию.

На государственной службе в Эстляндии А.Н.Харузин не оставляет занятия наукой. Напротив, в 1892 г. в Дерптском университете он получает степень кандидата зоологии, а свои дерптские впечатления отражает в трех публикациях о жизни дерптских студентов⁴⁵. Будучи секретарем Губернского статистического комитета, он редактирует издаваемый комитетом «Временник Эстляндской губернии» (Ревель, 1894), отбирая для него статьи по археологии, истории, антропологии и этнографии Эстляндии. Во «Временнике», в частности, была опубликована большая работа Николая Харузина о доисторической археологии Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний. Сам А.Н.Харузин тоже пишет в этот сборник несколько статей.

Служебное положение помогает ему обретать необходимые для работы материалы, иногда довольно неожиданные. Так, он

получает цифры измерения новобранцев 1892 г. из всех уездов Эстляндии и на их основе пишет для «Временника» большую статью «К антропологии населения Эстляндской губернии». Несмотря на то что измерения включали всего три показателя: рост, объем груди и длину ног, ученый придает им «весьма важное антропологическое значение, так как частному наблюдателю невозможно получить для измерения такое большое количество субъектов... Мы взялись тем охотнее за обработку и опубликование имеющегося у нас цифрового материала... что большая часть его приходится на долю эстонцев, народа в антропологическом отношении совсем не исследованного»⁴⁶. Это замечание А.Н.Харузина говорит о его неравнодушном отношении к науке, стремлении использовать любую возможность для пополнения данных об антропологии населения России. В этой работе он обработал антропологические измерения 2643 «субъектов», привлекая для сравнения огромный материал по 70 народам России.

В этом же «Временнике» А.Н.Харузин публикует палеоантропологическую «Заметку о черепях Пюхтицкого могильника» и несколько статей, написанных им на основе статистических материалов, — о народном продовольствии, статистике волостных должностных лиц, о состоянии посевов в Эстляндской губернии, а также об истории деятельности Губернского статистического комитета⁴⁷.

В следующем, 1895 г. выходит в свет большая работа А.Н.Харузина, также основанная на статистическом материале. Состоя на службе в Эстляндском по крестьянским делам присутствии и Губернском статистическом комитете, он обработал и опубликовал собранные по всей территории Эстляндии сведения о крестьянском землевладении — о количестве проданной крестьянам и арендованной ими земли, количестве душ на всех земельных участках разных категорий землевладения. Эти данные, сведенные в таблицы, заняли 500-страничный первый том его историко-статистического исследования «Крестьянское землевладение в Эстляндской губернии»⁴⁸. Второй том посвящен анализу цифрового материала. На основе обработанных им данных А.Н.Харузин дает общую характеристику крестьянского землевладения в Эстляндии, определяет его типы, показывает его динамику роста с 1860-х годов и ставит вопрос об обеспеченности крестьян землей. По его подсчетам, 58,6% крестьян были безземельными. Основной вывод работы состоял в том, что «свыше половины всех крестьян к землевладению не причастны и представляют безземельный рабочий класс»⁴⁹. Разобрав несколько вариантов исправления такого положения и не признав ни один удовлетворительным, А.Н.Харузин предлагает ограничиться ускоренной

продажей крестьянам участков земли при контроле властей за их ценами и переселением избытка безземельных крестьян в другие регионы России.

В середине 1890-х годов завершается большой и плодотворный этап в научной деятельности А.Н.Харузина, посвященный проблемам этнографии и антропологии народов Российской империи. Он знаменателен не только тем, что ученый накопил огромный конкретный этнографический и антропологический материал и овладел обширными знаниями в интересующих его областях науки, но и тем, что метод сравнительного анализа истории, быта и культуры, а также антропологии этносов на территории России и других народов и этнических групп мира позволил Харузину прийти к более широким обобщениям и гипотезам, многие из которых до сих пор представляют интерес для этнологов и антропологов.

* * *

В конце 1890-х годов в творчество Харузина входит славянская тема, и это не случайно.

Последняя четверть XIX — начало XX в. представляют собой период значительной активизации и углубления научных и культурных взаимоотношений между русским и зарубежными славянскими народами. Объяснение этому следует искать прежде всего в усилении интереса широких кругов русского общества к подъему национально-освободительного движения в югославянских землях.

В российской периодической печати и научных изданиях появляются многочисленные отклики на события, происходящие в югославянских землях. Широкий общественный резонанс получают, в частности, последствия оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1878 — 1908).

В 1899 г. А.Н.Харузин обращается в РГО с просьбой выделить ему пособие на поездку в Боснию, Герцеговину, Далмацию и Черногорию⁵⁰. Ученый убежден, что «вековая жизнь Балканского полуострова и связанная с нею сложность этнологических факторов издавна вызывали научный интерес в Европе к этой части нашего материка»⁵¹. Харузин считает, что судьба балканских славян, находящихся на рубеже западного и восточного культурных миров, не лишенная аналогий с судьбой российского государства и «сложения нашей народности», требует тщательного исследования. «Интерес России к балканским славянам, — настаивает Харузин, — естественен и необходим»⁵². В связи с вышеизложенным ученый просит Совет РГО оказать ему материальную помощь в размере 500 рублей на командировку в Чер-

ногорию, Далмацию и славянские провинции Австрийской империи летом 1899 г. «в видах изучения названных местностей в этнографическом и антропологическом отношениях»⁵³, и эта помощь была ему оказана.

В результате поездки А.Н.Харузина в Боснию и Герцеговину в 1899 г. появился его труд «Босния—Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии». Написанию этой книги предшествовала огромная работа по изучению обширной русской и западноевропейской литературы и журналистики, посвященной этому региону. Опирается ученый и на материалы вышедшего с 1888 г. в г. Сараево журнала «Гласник земаљског музеја у Босни и Херцеговини». Кроме того, А.Н.Харузину удалось собрать ценнейшие сведения по антропологии, этнографии и статистике Боснии и Герцеговины, в частности, «благодаря содействию русского консула в Сараеве» (Г.Игельстром. — М.К.)⁵⁴.

Первая часть книги написана в жанре путевых записок (6 глав). Проезжая города и местечки в Боснии (Яйце, Травник, Високо, Сараево), а затем из Боснии в Герцеговину через Ябланицу, долину Неретвы и Дрежанки, в Мостар, А.Н.Харузин описывает историю этих мест, все их достопримечательности, особо останавливаясь на антропологических и этнических особенностях населения Боснии и Герцеговины и т.д. Вторая часть книги состоит из семи глав, посвященных истории и средневековой культуре, особенностям феодальной системы, состоянию сельского хозяйства, промышленности и бюджета этого региона до и после оккупации его Австро-Венгрией, а также религии и церкви, народному образованию.

Наибольшую ценность в книге Харузина представляет для нас глава «Религии и церкви», в которой приводится характеристика этноконфессиональной ситуации в Боснии и Герцеговине с X по конец XIX в. Особо интересны размышления автора о соотношении трех конфессий в Боснии и Герцеговине: православия, католицизма и ислама, а также о причинах исламизации населения этих земель. Повод для перехода славян Боснии и Герцеговины в ислам Харузин справедливо видел в политических и экономических выгодах разных слоев населения. «Ислам принимали все те, которым мирские расчеты казались более важными, чем спасение души. И от того в их числе встречаются все вероисповедания...»⁵⁵.

Автор обращает большое внимание и на конкретную роль богомилства в этом процессе. При этом он не считает достаточно обоснованным утверждение ряда ученых о том, что «в современной магометанской части населения страны следует видеть потомков богомилов»⁵⁶. На самом деле, по мнению Харузина, не-

возможно с абсолютной достоверностью определить число богومیлов, православных и католиков, принявших ислам. И сейчас этот вопрос остается дискуссионным.

Развивая отдельные положения А.Ф.Гильфердинга⁵⁷, Харузин приводит яркие этнографические материалы. Он, например, пишет: «Мусульманство, перенесенное на сербскую почву Босны-Герцеговины, приобрело своеобразные оттенки, резко отличающие босняка-"турчина" от "османлия"»⁵⁸. Под «османлием» Харузин подразумевал турок-завоевателей, а также мусульман, переселившихся из других стран. Отмечая, что часть «босняков» признавала себя «народностью особого рода», А.Н.Харузин в то же время отрицал возможность существования «боснийской народности» в условиях оккупационного режима⁵⁹.

Православные славяне Боснии и Герцеговины, принявшие ислам, сохранили свой сербский язык, не переставали пользоваться кириллицей, к многоженству относились с отвращением, девушки не закрывали лица. Они глубоко чтили своих национальных героев, не забывали народные песни, продолжали помнить народные праздники, в том числе семейную Славу (*Крсно име*). Харузин делает справедливый вывод о том, что законы ислама достаточно медленно проникали в славянскую среду, а сохранение ряда древних обрядов и обычаев «с наглядностью доказывает общность происхождения христианского и мусульманского населения Босны-Герцеговины».

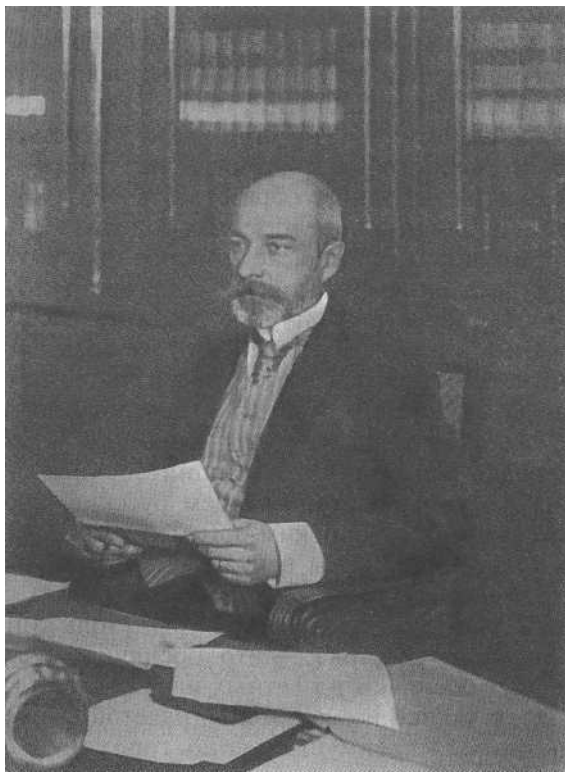
Особо останавливается А.Н.Харузин на положении православных, католиков и мусульман в период после оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Опираясь на огромный статистический материал (он отсутствовал у российских предшественников Харузина), автор приходил к выводу, что магометанское население, медленно возрастая, относительно уменьшалось, в то время как католическое, напротив, значительно увеличивалось. «В частности, — пишет он, — в период с 1885 по 1895 г. католики увеличились на 25,7%, или на 2,6% в средний год». При этом он не считает, что прирост католиков можно было приписывать переходу населения в лоно католической церкви, напротив, оно больше связано с иммиграцией в страну уроженцев Австро-Венгрии и других стран⁶⁰. Рост католического населения поддерживался австрийскими и венгерскими властями. Это выражалось, например, в постройке католических церквей там, где проживало исключительно православное население; в направленной в пользу католиков аграрной политике, субсидировании преданных правительству священников, содержании митрополитов за счет казны, распространении пропагандистской литературы и закрытии православных школ и т. п.

Неравенство православия и католицизма в Боснии и Герцеговине, считал Харузин, заключалось главным образом в степени образования и просвещения. Католики получали образование в школах Австро-Венгрии и Хорватии, православное же население, предоставленное самому себе, не могло даже опереться на соседние Сербию и Черногорию, которые не имели достаточно средств для развития народного образования.

Весьма ценный для этнолога материал содержится в той части очерков А.Н.Харузина, где он касается особенностей традиционного костюма населения Боснии и Герцеговины. Не отрицая турецкого влияния на этнокультурное развитие населения этого региона, особенно в городах, ученый в то же время справедливо утверждал, что «как православные, так и католики удержали свой национальный костюм, частью в совершенно чистом его виде, частью же изменившимся под влиянием мусульманских течений». Нередко встречал он женщин-босниец в головном уборе славянского типа, напоминающем русские кокошники, в безрукавке, отделанной славянским орнаментом, но в шароварах. У некоторых головы украшены венками из цветов, как у малороссийских девушек. «Наряду с этим попадаются закутанные, как бы зашитые в мешок, женские фигуры, столь типичные для всего мусульманского Востока, — это боснячки мусульманской веры. Тут же идут боснячки в цветных шароварах, в кофте с обхваченной поясом талией и с кокетливо надетой феской на голове — это христианки, преимущественно горожанки, не закрывающие своего лица»⁶¹.

Разнообразие в нарядах, как справедливо замечает Харузин, «стоит в связи с местностью и религией». Правда, пишет он, установить принадлежность к той или иной конфессии или части страны вполне точно для всякого вида одежды почти невозможно, хотя эти два фактора имеют в костюме преобладающее значение. Региональные различия замечаются и в народном мужском костюме. Весьма разнообразны орнаменты в разных местностях, но в целом костюм боснийца утратил свой первоначальный славянский облик и менее консервативен, нежели костюм женщин.

Книга Харузина получила широкий отклик в российской и сербской периодической печати. Появилось множество рецензий и аннотаций, подчеркивающих новизну, актуальность и научную значимость очерков А.Н.Харузина о Боснии и Герцеговине. Так, известный славист П.А.Ровинский в рецензии на книгу Харузина отмечает не только точность описаний его как очевидца, живой интерес к наблюдаемому, но и «самостоятельный, критический взгляд, который автор проявляет на каждом шагу»⁶².

А. Н. Харузин. Начало XX в.

Умелое сочетание в очерках Харузина исторического, этнографического, антропологического и археологического материала, богатство используемых источников отмечал не только П.А.Ровинский, но и А.Н.Пыпин, выдающийся русский историк и этнограф. «Книга г. Харузина, — писал он, — принадлежит к лучшему, что было написано у нас о современной жизни славянства. Автор с большою старательностью изучал свой предмет, дав живые картины страны и населения, состояние народа, который своим восстанием семидесятых годов снова поднял славянский вопрос»⁶³.

Интерес А.Н.Харузина к славянской проблематике не угасает и в последующие годы. На основании изученных нами «Дневников» В.Н.Харузиной, хранящихся в ОПИ ГИМа, стало известно, что А.Н.Харузин вместе с сестрой Верой Николаевной побывал в Словении в августе—сентябре 1901 г.⁶⁴. Вторично А.Н.Ха-

рузин посетил словенские земли в 1902 г. Результатом двух его поездок явились следующие статьи: «Национальная эволюция словинцев»*, «Австрийская Крайна», «Краинский кряж и его чудесные явления», «Крестьянин Австрийской Краины и его постройки», «Жилище словинца Верхней Краины».

Все эти статьи вышли в 1902 г. в журналах «Живая старина» и «Русский вестник» и свидетельствовали о живом интересе А.Н.Харузина к истории и культуре словенцев.

Написание очерка «Австрийская Крайна» ученый мотивирует тем, что о словенцах в России написано мало. Видимо, это связано с известной недооценкой того вклада, который внесли в изучение словенских земель российские предшественники Харузина. Этнокультурные зарисовки о словенцах периодически появлялись в российских изданиях XIX в. и принадлежали перу известных славистов — И.И.Срезневского, И.С.Аксакова, В.И.Ламанского, И.А.Бодуэна де Куртенэ и других ученых, в разное время посетивших словенские земли.

В последующие десятилетия XIX — начала XX в. расширились научные контакты русских и словенских ученых. Это было связано с участием словенского ученого Матии Маяра в Этнографической выставке 1867 г. в Москве и посылкой им в комитет выставки фотографий и рисунков словенцев, а также записки, которая, по мнению М.Н.Сперанского, представляла собой трактат, посвященный обычаям и прошлому словенцев. Восторженные отклики о выставке прозвучали, как со стороны словенцев (М.Маяр, Я.Майцигер, Й.Вошняк), так и со стороны русских (П.А.Лавровский, В.И.Ламанский и др.). На рубеже веков укрепились связи и переписка М.Маяра с М.Ф.Равским, М.П.Погодиным, Н.А.Поповым, Я.Трдины с И.С.Аксаковым; В.И.Ламанского с Д.Трстеньяком, Ф.Левстиком; Г.Крека с А.Н.Пыпиным; Ф.Целестина, Я.Пайка, О.Цафа с И.А.Бодуэном де Куртенэ и др.⁶⁵.

Крайна интересовала Алексея и Веру Харузиных, как и их российских предшественников, тем, что из всех словенских земель, входивших в монархию Габсбургов, именно она была менее всего онемечена, и большинство ее населения составляли словенцы, бережно хранившие свой язык, нравы и обычаи⁶⁶.

Очерк Харузина «Австрийская Крайна» содержал краткое описание истории словенцев, их религии, особенностей их хозяйства, географических условий, климата в Нижней, Верхней и Внутренней Краине. Останавливается ученый и на положитель-

* В русской науке XIX — начала XX в. термины «словинцы», «словинский» употреблялись как равнозначные терминам «словенцы», «словенский».

ных чертах характера словенских крестьян, отмечая их трудолюбие, предприимчивость, упорство в достижении намеченной цели.

Интересуется он и отношением словенцев Крайны к русским. «Относятся (словенцы. — *М.К.*) к русским как к единоплеменному и единокровному народу и всегда стараются всеми средствами выразить русским братьям свои искренние симпатии и свою привязанность»⁶⁷.

А.Н.Харузин знакомит русских читателей и с культурным развитием словенцев. Уже в XVIII в., отмечает он, в Крайне заметны проявления «народного возрождения», «крутого поворота от старого к новому»⁶⁸. Автор пишет и о первых печатных трудах на словенском языке, первой типографии в Любляне, о словенской Матице и ее издании «Летопись». Он приводит сведения о творчестве словенских писателей — В.Водника, Ф.Прешерна, А.Ашкерца, И.Цанкара и многих других, подчеркивая, что средоточием общественной и культурной жизни Крайны является ее столица Любляна.

Очерк сопровождается 39 фотографиями видового и этнографического характера, что не только его украшает, делая более наглядной общую картину страны, но и представляет большую ценность для российской науки.

А.Н.Харузин, как и его сестра, очарован красотой Крайны. О ней он повествует в статьях «Краинский кряж и его чудесные явления» и «Национальная эволюция словинцев»⁶⁹. Последняя интересна тем, что ученый пытается обрисовать в ней современное экономическое и этнокультурное положение Крайны, которая является «центром словинской народности», где «креп национальный дух словинца и зрели элементы для политической борьбы, увенчавшейся в настоящее время значительным успехом»⁷⁰. А.Н.Харузин считает нужным подробно познакомить российского читателя с историей словенских земель, в первую очередь Крайны. Начиная с VI в. немецкая колонизация словенских земель приводит, по мнению ученого, к уменьшению территории, занимаемой предками современных словенцев, а также их численности.

Порабощение и угнетение порождали народные восстания и бунты, которые происходили в XVI и XVII вв. Разъединение Каринтии, Крайны и Приморья, произошедшее в 1849 г., еще более ухудшило положение народа. Подробно описывает А.Н.Харузин борьбу краинского крестьянина-земледельца с суровой природой. Ему помогает то, что он является собственником своей земли, а земледелие издавна составляло основу богатства страны⁷¹; добыча железной руды и транзитная торговля приумножают его.

По мнению ученого, Крайна начала XX в. переживает тяжелый экономический кризис. Конкуренция немецких промышленников и торговцев, уменьшение числа рабочих, падение кустарной промышленности — таковы основные «приметы времени». Крестьяне вынуждены продавать свои и без того небольшие наделы земли, уходить в наемные рабочие или эмигрировать, А.Н.Харузин отмечает и процесс онемечивания части словенской интеллигенции, ремесленников и крестьян, что, по его мнению, пагубно сказывается на складывающейся нации и народном сознании. Однако ученый замечает, что словенцы не прекращают борьбы за свои права, создают сельскохозяйственные, торговые и промышленные товарищества, а австрийскому правительству «не удастся даже задержать национальное саморазвитие славянских народностей»⁷², подвластных империи Габсбургов. Важным представляется и следующий вывод российского ученого: «Ни изгнание словинского языка из делопроизводства правительственных учреждений и школы, ни давление на народную литературу не приостановили самобытного развития» народа. Однако А.Н.Харузину хочется выдать желаемое за действительное. Ему представляется, что в конце XIX — начале XX в. немецкий язык был вытеснен из народных школ — в Крайне в то время их насчитывалось уже около трехсот. По его мнению, словенский язык вводится в гимназиях, суде и административных органах. Преувеличением звучат и мысли Харузина о том, что «в Крайне, строго говоря, уже нет словенско-немецкой борьбы», хотя она еще существует в Каринтии и Штирии. Подробно пишет Харузин о положении словенцев в Приморье. Ему кажется, что здесь замедлилась романизация словенского населения, возможно открытие словенского или южнословенского университета в Триесте.

Отметив, что А.Н.Харузин пишет о словенцах как «добросердечный друг» и что он знакомит русских со словенским народом, словенский поэт и общественный деятель Антон Ашкерц резко критикует российского ученого за то, что он создает идеализированную картину культурного развития Крайны, преувеличивая роль словенского языка в средних школах и люблянкой учительской школе, где на самом деле господствовал немецкий язык⁷³.

Н.Н.Харузин, написавший несколько работ о жилище у тюркских и монгольских народностей России и жилище финнов, «заразил» Алексея Николаевича этой проблемой. В 1902 г. последний составил и опубликовал «Руководство для собирания сведений о крестьянских постройках»⁷⁴. Во введении автор пишет, что Этнографическое отделение РГО «признает необходимым собрать и обработать материалы по истории развития кре-

стьянских построек в России (как коренного ее населения, так и инородческого), а равно в других землях, заселенных славянским племенем»⁷⁵. Этнографическое отделение в лице А.Н.Харузина обращается ко всем интересующимся этой проблемой с просьбой присылать собранные материалы. «Руководство» должно своими вопросами облегчить этнографу описание жилища по разным местностям, «в связи с особенностями почвы, климата, строительного материала, условий быта, благосостояния и т.п.»⁷⁶. Характер той или иной постройки, замечает А.Н.Харузин, запечатлевает народные вкусы и привычки, вынесенные из времен, предшествовавших новейшим культурным воздействиям. Важным представляются ученому и термины — названия, обозначающие отдельные части жилища каждой народности. По мнению Харузина, необходимо при описании отмечать их функциональную роль, материал, из которого они сделаны, следует обращать внимание на фундамент (или его отсутствие), входную дверь, на число и расположение окон, на рамы и их украшения (последние имеют большое значение для характеристики художественного вкуса населения), на форму крыши, способ установки стропил, особенности оград и т.д.

Важно, считал Харузин, дать подробное описание жилого здания, хозяйственных и временных построек (шалаш, землянка, сторожка, навес). При этом он считал, что рисунки, планы или фотоснимки делают описания более точными и наглядными. «Руководство» А.Н.Харузина содержало 27 конкретных вопросов, облегчающих будущим исследователям их нелегкую работу. В приложении давались образцы планов жилых помещений и хозяйственных построек. Это была, по существу, первая российская программа, посвященная конкретно жилищу.

Здесь уместно отметить и то, что на рубеже веков РГО ставит своей целью создание специализированных программ по разным проблемам этнографической науки. Появляется необходимость создавать программы РГО, посвященные каким-либо специальным проблемам. Отметим, в частности, «Программу для собирания сведений о юридических обычаях» (М., 1887) М.Н.Харузина и «Программу для собирания сведений о родильных и крестильных обрядах у русских крестьян и инородцев» (М., 1905) В.Н.Харузиной.

«Руководство» А.Н.Харузина свидетельствует о том, что он был тщательно подготовлен к исследованию жилища славянских народов, и, в частности, словенцев. В журнале «Живая старина»⁷⁷ за 1902 г. он публикует статьи «Крестьянин Австрийской Крайны и его постройки» (с рисунками) и «Материалы по истории славянских жилищ. Жилище словинца Верхней Крайны». Эти

статьи различаются по целям и характеру. Первая — обзорная, задачей которой было выяснение положения крестьян Крайны и особенностей жилых и хозяйственных строений в разных ее областях. Вторая, пространная (более сотни страниц), имеет целью исследование (в сравнительном плане) истории славянских жилищ на материале словенских построек в одной только Верхней Крайне.

Краинский крестьянин, справедливо считает А.Н.Харузин, дал своему народу торговое сословие, представителей духовенства и светской интеллигенции. В отличие от крестьян других европейских стран словенский крестьянин — не арендатор, а полный собственник земли (ему принадлежало 80% всего пространства Крайны). Богатством крестьян являются громадные лесные массивы, три четверти которых находится либо в собственности крестьянских общин, либо в руках отдельных крестьянских хозяйств⁷⁸. Мелкое землевладение, скотоводство и садоводство преобладают в хозяйственном развитии Крайны. Однако, несмотря на богатства краинской земли, ее крестьяне беднеют (в постраничных сносках ученый дает расчеты доходов и расходов крестьянина в разных типах хозяйств, очевидно сделанные им самим). В крестьянских постройках, как верно указывает А.Н.Харузин, выражается «творческое начало всякого народа»⁷⁹. Поэтому он и пытается разобраться в своеобразии словенских жилых и хозяйственных строений, подробно останавливаясь на сопоставлении словенских построек более раннего и новейшего времени (деревянные, каменные, однокамерные, двухкамерные, одноэтажные и двухэтажные). При этом Харузин приходит к выводу, что более древним типом крестьянского дома является деревянный с очагом и пристроенными к нему хозяйственными помещениями. В дальнейшем его в большинстве районов Крайны вытесняют каменные постройки, которые обычно декорируются зеленью или росписью религиозного содержания. А.Н.Харузин стремится подчеркнуть своеобразие построек в Нижней и Внутренней Крайне, в карстовых районах Верхней Крайны, а также в Истрии, показывая при этом воздействие на их характер и стиль особенностей рельефа и климата.

В первой статье, посвященной словенскому жилищу, А.Н.Харузин изучает и весьма распространенные современные ему дома из пяти-шести помещений (он приводит план такого дома со словенскими названиями его частей)⁸⁰. Кропотливо и тщательно ученый создавал подробные планы домов разного типа в деревнях Верхней Крайны, учитывая при этом сословный признак. Статья была снабжена 19 рисунками и планами домов с изображением разных их типов во всех частях Крайны.

Вторую статью «Материалы по истории развития славянских жилищ. Жилище словинца Верхней Крайны»⁸¹ А.Н.Харузин предваряет 57 фотографиями жилых и хозяйственных построек в разных селениях. При этом в ряде рисунков помечен и год постройки, что очень важно для исследователя. В примечании ученый указывал, что в основу второй статьи легли его личные наблюдения, сделанные в 1901 и 1902 гг. в 34 селениях и местечках Верхней Крайны, начиная от Битне (Bitnje) и кончая горной деревней Стол (Stol). А.Н.Харузин старается не повторять материал, представленный в первой статье. По его мнению, села Верхней Крайны, в отличие от русских деревень имеющие нередко до тысячи жителей, как правило, состоят из нескольких десятков домов, находящихся на незначительном расстоянии друг от друга. Жилой дом, сарай, колодец и другие хозяйственные постройки расположены рядом с садом. Нередко в деревнях есть своя гостиница с харчевней и комнатами для ночлега. Почти в каждой деревне имеются продуктовая лавка, кузница, водяная мельница, иногда лесопильня⁸².

В горных селениях сохранились архаичные постройки, в которых обычно живут пастухи, молочники, сыровары. Расположенные на высоте тысячи метров, они представляют огромный интерес для изучения истории жилищ вообще⁸³. Временным жилищем для пастухов служат *кочне*, *стан* или *байта* (ко́чне, stan, bajta) — хижины почти одинакового вида, названия которых зависят от местности. Простейшей формой жилой постройки, притом древнейшей, служит у словенцев *кочне* — бревенчатый сруб, не превышающий роста человека. Словенец различает и слова *ко́са* (ко́пне) и *ку́са*. Первое означает хижину, второе — дом. В пространным примечании Харузин анализирует слова, имеющие общий корень у сербов, черногорцев и боснийцев. Ученый приводит и известные во многих губерниях России термины: *кут*, *куть*, *кутник*. Все эти термины, по предположению Харузина, отражают понятие о древнейших жилищах всех славян⁸⁴.

Описывая дома, а также хозяйственные постройки (hlev, nadhlev, kevder, paštba, šupa, drvnica и др.), Харузин опирался на сделанные им самим чертежи-планы (всего 36 планов), приводя их в самом тексте статьи и делая, таким образом, особенно наглядными представления о разных типах построек в разных частях Верхней Крайны. Размышляя об эволюции словенского крестьянского дома и хозяйственных построек от наиболее примитивных (шалаш, хижина и др.) до многокамерных и двухэтажных строений, ученый стремится выявить связь этой эволюции с природными и климатическими условиями, с развитием семьи и

ее хозяйства. Эта статья, более обширная, чем предыдущая, содержит и более разнообразные сведения.

А.Н.Харузин рассматривает разные двухкамерные постройки в селах Зазеро (Zazero), Млино (Mlino) и Ратече-Белапечь (Rateče-Belapeč), обращая при этом внимание на связь благосостояния хозяина и внутреннего строения дома. Ученый приводит и подробные планы разных типов трехкамерных домов в деревнях Блед (Bled), Верхнее Горье, Нижнее Горье (Spodnje Gorje, Zgodnje Gorje), Речица (Rečica) и др., а четырехкамерных — в деревнях Бегунье (Begunje), Сламник (Slamnik), Тржич (Tržič) и др. При этом его внимание привлекают дома, выстроенные в 1748, 1766, 1783 и последующих годах. Он дает подробное описание их особенностей, что очень важно для понимания позднейшей архитектуры и интерьера крестьянских домов словенца.

А.Н.Харузин наблюдал в Верхней Крайне жилые одноэтажные постройки с двухскатной крышей. Он приводил и мнение своего знакомого словенца Людевита Енко⁸⁵ о том, что типичным для словенских крестьян было двухэтажное строение (внизу хлев, наверху комната) с четырехскатной крышей. Помещение хлева на первом этаже типично не только для Верхней Крайны, но и для Боснии, Герцеговины, Черногории и Далмации. Сравнительный материал, приводимый А.Н.Харузиным, весьма ценен для понимания принципов строения крестьянского жилища по типу шалаша с четырехскатной крышей, что было характерно и для первичных словенских и шире — славянских построек.

В начале XX в. большинство словенских крестьянских домов строилось из камня. Но его введение происходило постепенно: вначале из камня возводился фундамент, затем уже хлев, конюшня, кладовая, тогда как верхний этаж оставался деревянным (такие дома русский ученый видел в селениях Нижнее и Верхнее Горье). Новый момент второй статьи А.Н.Харузина о словенском жилище в том, что он характеризует не только их внешнюю архитектуру, но и интерьер со всеми деталями. Подробности внутреннего строения жилищ очень важны для исследователей. Они дают возможность сопоставлять детали жилища у разных народов и делать выводы о времени их введения, значимости, об архайческих и новых чертах. Именно поэтому Харузин считает нужным остановиться на *хише* (hiša), которая означает «жилой дом», а в переносном смысле — «очаг». В подробном примечании ученый рассматривает этимологию слова хиша (хижа — у сербов, *chyža* — у словаков, хижина — у русских). Он предполагает, что у словенцев хиша появилась в период оседлости, хотя неизвестно, каким путем шло ее становление. В начале XX в. словенская хиша была пристройкой к *веже* (veža) — основному поме-

щению, имеющему очаг. С присоединением хиши постройка становилась двухкамерной. В хише обычно имеется обеденный стол и распятие (*križ*); в ней почти всегда два окна, выходящие на фронтоны, и два — со стороны входной двери. Исключения, считает Харузин, очень редки⁸⁶.

Характерным для старых домов Верхней Крайны является *лева* (*leva*) — ниша в стене, которая к печи не примыкает и отделяет хишу от вежи. Нижний ее край образует подобие полки; над нишей имеется навес, а под ним отверстие в стене для *дымника* (*dimnik*).

Печь (*peč*) в словенском доме Верхней Крайны всегда топилась или в кухне или в веже. В современном быту словенцев *вежа* — это помещение с очагом в двухраздельной или более сложной постройке. Первоначально она означала сени без очага. В дальнейшем вежа обустроивалась очагом. А хиша становилась собственно жильем⁸⁷. Размер печи зависел от размеров дома. Нижняя кирпичная ее часть больше изразцовой; между ними — заре́сек, служащий зимой как постель. Изразцы почти всегда темно-зеленого цвета и представляют собой плоские четырехгранные пирамидки⁸⁸.

Иногда дом словенца расширялся за счет *камры* (*kamra*), делается трехкамерным. По наблюдению А.Н.Харузина, во многих домах Верхней Крайны камра — это часть избы, отделенная от последней перегородкой, не доходящей до потолка. Русский ученый предполагает, что камра возникла путем пристройки нового помещения к хише (у мораван — *камога*, у словаков — *котага*, у черногорцев — *камара*). При этом камра обычно ниже хиши на одну-две ступени. Характерная черта камры — одно окно со стороны фронтона и то, что она не отапливается. Во многих домах, даже у богатых крестьян, камры нет. Харузин полагает, что причиной тому — развитие словенского дома в двух направлениях: со стороны избы (*hiša*) пристраивалась камра, а со стороны вежи (*veža*) — помещения с пристенным очагом — жилая комната (*čumnata*; у русских — комната, украинцев — *кімната*, у словаков — *komnata*). С помощью чумнаты дом не расширялся (как в случае с камрой), а удлинялся. Она обычно служила спальней и отдавалась молодоженам. Камра, в отличие от чумнаты, более позднего происхождения. Она появилась в словенском доме в связи с введением камня как строительного материала. В Крайне даже в деревянных домах она пристраивалась из камня и встречалась в трех- и четырехкамерных домах⁸⁹.

Ученый считает нужным остановиться и на значении верхнего этажа в общей архитектонике дома. Он обычно отдается взрослым детям или сдается внаем. Верхний этаж состоит из одной

или нескольких комнат, носящих название *верхняя хиша* — *gornja hiša*. Эта часть дома представляет собой сруб, в котором очаг встречается редко. Если в доме нет верхнего этажа, то лестница из вежи ведет прямо на *чердак* (*podstrešje*, *podstrešina*). В большинстве случаев чердак не имеет своего потолка, а идет прямо под крышу. Чаще всего на чердаках стоят длинные *лари* (*skrinja*) для хранения одежды (в сербском языке скринья — шкаф или сундук). Обычно они выкрашены в зеленый или красный цвет и имеют роспись, изображающую, как правило, розы.

Развитие словенского дома от простой двухкамерной постройки до четырехкамерной и двухэтажной зависело, по мнению Харузина, от развития семьи. Ютясь первоначально в хише, часть семьи пользовалась для ночлега и хлевом, и занявшей его место *клетью* (*klet*). Последняя, как и у русских, служила у словенцев помещением для новобрачных (позже эту функцию стала выполнять *чумната*). Взрослые дети в многолюдных семьях ночевали на чердаке, что привело к возникновению *горней хиши*. Комнатами верхнего этажа, очевидно, пользовались и женатые сыновья, оставшиеся в семье родителей и образовавшие с ними *задругу*⁹⁰. По мере отделения молодой семьи наверху строился очаг (или 2—3 очага). Обычно верхний этаж появлялся в четырехкамерном доме. Подробно, с рисунками и планами, А.Н.Харузин дает описание четырехкамерных двухэтажных домов и показывает их эволюцию, в процессе которой верхний этаж получал очаг, а разросшаяся семья делилась на два обособленных хозяйства⁹¹. Дом в деревне Блед, насчитывавший около четырех столетий, населяли две разные семьи, предки которых, возможно, имели родственные связи.

В заключении к статье ученый приходит к выводу, что в Верхней Крайне сохранились постройки разных ступеней развития: и однокамерные, часто лишенные даже окон, потолка и пола, и помещения (в частности, *сыроварня* — *siřarnica*) с очагом и жилой частью с нарами, и современные постройки с двумя или четырьмя комнатами, имеющие вход с длинной стороны дома. В основу дома начала XIX в. в Верхней Крайне, по мнению Харузина, легло древнее жилище с двухскатной крышей и входом со стороны фронтона⁹².

Заключает статью сравнительный материал по постройкам в Австрии (Зальцбург), Боснии, Моравии, Галиции, Литве, где автор тоже побывал во время своего путешествия в 1901—1902 гг. А.Н.Харузин не оставляет без внимания и немецкое влияние на словенское жилище (особенно на краинский трехкамерный дом), но главными для него остаются как генетически общие славянские черты жилых и хозяйственных построек, так и «национально-особенные свойства» именно словенских построек.

В процессе развития хозяйственных помещений (shramba, klet, kevder) — кладовых и погребов для хранения сухих и иных припасов — происходила централизация; они подводятся под одну крышу. Однако их эволюция у разных народов не шла синхронно. Это важное замечание Харузина выявляет присущий ему исторический подход к проблеме развития славянского жилища.

Статьи А.Н.Харузина о словенском жилище вызвали одобрение словенских ученых. Так, Ф.Илешич писал, что русский ученый подметил и подробно описал то, чему сами словенцы не уделяют должного внимания. Он, по мнению Илешича, точно описал словенское крестьянское жилище; словенцы должны быть благодарны «Харузину не только за описание нашего дома, но и показ его в рисунках всему миру»⁹³.

Синхронный и диахронный подход к исследованию жилища характерен и для более позднего фундаментального труда А.Н.Харузина «Славянское жилище в Северо-Западном крае. Из материалов по истории развития славянских жилищ». Этот труд, по словам самого ученого, основан на шестилетних «личных наблюдениях над жилищами белорусов, великороссов, малороссов и поляков в губерниях: Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской, Могилевской и Минской, а равно в разных великоросских и малоросских губерниях, затем в Привисленском крае, в Галиции, Силезии, Штирии, Каринтии, Крайне, Истрии, Австрийском и Венгерском Приморьях, Хорватии, Боснии, Герцеговине, Далмации и Черногории»⁹⁴.

В своем труде А.Н.Харузин опирался также на предоставленные ему материалы от разных лиц, которых он благодарит в предисловии. При этом ученые или просто любители работали по программе, выработанной самим же Харузиным (см. выше о его «Руководстве») и разосланной РГО или лично им самим. Использовал ученый и коллекции моделей славянских построек Дашковского этнографического музея Москвы, этнографического музея Варшавы, национальных музеев Любляны, Загреба, Сараева. Материалы, собранные разными лицами по программе князя В.Н.Тенишева, также помогли Харузину в создании его исследования. Неопубликованные статьи безвременно умершего брата, Н.Н.Харузина, дополнили все эти и другие сведения о жилищных условиях всех славянских народов.

Источники, на которые опирался А.Н.Харузин, принадлежали перу таких ученых, как В.В.Суслов, Н.И.Костомаров, Н.Д.Чечулин, И.Е.Забелин, С.В.Максимов, Н.А.Янчук, П.В.Шейн, П.А.Ровинский, а также В.Матлаковски, Р.Мерингер, Д.Маринов и многие другие. Словари русского и славянских языков использовались для «пополнения номенклатуры построек и отдельных

частей, собранных нами при личных обследованиях на местах или извлеченных из доставленных нам материалов и литературных источников»⁹⁵. Далее А.Н.Харузин отмечает, что пользуется, в частности, словарями И.И.Срезневского, П.А.Лаврова, И.И.Новосича, В.И.Даля, Е.К.Тимченко, Н.Герова, Дж.Поповича, А.Янезича и многих других авторов. Весь труд А.Н.Харузина насчитывает 337 страниц и имеет 60 планов различных жилищ в тексте и 202 фотографии, выполненные автором. Его цель — выявление как общих по происхождению и развитию черт жилищ славянских народов, в том числе и взаимовлияния, так и своеобразных, национально-самобытных его свойств у каждого народа⁹⁶. Очень важным моментом исследования является алфавитный указатель терминов (в русском и латинском регистре).

Книга построена своеобразно: автор отказался от суммарной характеристики жилища отдельного народа, его больше привлек сравнительный анализ элементов жилых и хозяйственных построек славянских и иных европейских народов. Первый раздел монографии посвящен статистике населения Северо-Западного края, второй — постройкам. В нем он выделяет параграфы, посвященные строительным материалам, фундаменту, срубам, крыше, окнам, жилому дому, гумну и овину, сеновалу, клети и подвалу, бане и т.д.

Один из разделов книги называется «Деревня и усадьба» и состоит из подразделов: деревня, двор, изгородь, ворота, усадьба. Следующий посвящен анализу развития жилища. Он включает характеристики составных частей жилого дома, таких, как хата, сени, кладовая, комната и светелка, спальня, кухня, чердак, а также типы жилого дома (однокамерный, двухкамерный, трехкамерный, выделение спальни, кухни; сложный дом, фронтонное развитие дома).

Материалы по истории жилища югославянских народов, в том числе словенские, широко используются в книге. Можно утверждать, что они составляют одну из основ исследования Харузина, помогая ему строить гипотезы и делать важные научные выводы. Не случайно рецензенты указывают, что главное достоинство книги Харузина — это богатейший материал по сравнительному анализу всех типов славянского жилища. Известный российский ученый Д.К.Зеленин в своей рецензии на книгу А.Н.Харузина пишет: «Книга г. Харузина принадлежит к числу... редких в наше время обобщающих исследований». По обилию рисунков и чертежей (планов) жилищ, отмечает рецензент, его книга единственная в своем роде. Ее «с удовольствием и пользой прочтет всякий, кто только интересуется бытом русского народа, первобытной славянской культурой и народной архитектурой»⁹⁷.

Книга Харузина действительно шире своего названия — она содержит сравнительный анализ важнейших компонентов материальной культуры многих славянских народов, основанный на новых материалах, которые дали автору возможность сделать интересные для славянской этнографии выводы о развитии славянского жилища, об общности происхождения многих его элементов и взаимовлияниях. Этот материал до сих пор используется российскими этнологами. Важно, что уже в начале XX в. А.Н.Харузин брал за основу систематики жилища его горизонтальное и вертикальное развитие, определял при этом функцию и место первоначального ядра в общей планировке традиционного жилища. Нужно отметить также, что русский ученый пытается наметить типологию славянского жилища, выделяя типы построек от архаичных однокамерных до четырехкамерных. При этом он учитывал не только конкретные природные условия изучаемого региона (рельеф местности, климат, наличие разных строительных материалов), но и влияние хозяйственного уклада, имущественного расслоения (богатые и бедные), изменения жилища в связи с эволюцией форм семьи.

* * *

Научная деятельность А.Н.Харузина становится менее интенсивной после 1907 г., когда он занимает такие государственные посты, которые, по-видимому, не оставляли времени для научной работы. Будучи директором Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий он редактирует «Очерки сектоведения» (1911 г.). За несколько лет до революции он оставляет государственную службу. Однако возобновил ли он занятия наукой, неизвестно; каких-либо публикаций А.Н.Харузина в этот период нет. Лишь в конце 20-х — начале 30-х годов, работая на опытной станции в Тульской губернии, а затем консультантом по огородничеству в Сельхозгизе в Москве, он публикует около 20 работ по семеноводству и огородничеству. Это свидетельствует не только об огромном трудолюбии А.Н.Харузина и разнообразии его научных интересов, но также и о том, что он, вероятно, искал такое поле для своей научной деятельности, которое бы не соприкасалось с официальной идеологией.

Труды А.Н.Харузина, посвященные множеству важнейших проблем, недостаточно изучались, а его вклад в историю российской научной мысли XIX—XX вв. явно недооценивался, что было связано с предъявленными ему необоснованными обвинениями в конце 20-х и начале 30-х годов и его трагической судьбой. Между тем даже приведенные в нашей статье материалы о разносторонней научной деятельности Алексея Николаевича

дают представление о содержании и значении многих его работ и о том большом вкладе, который, несомненно, внес русский ученый в эволюцию этнографических и антропологических знаний о мире.

¹ У Харузиных было еще две сестры — Елена Николаевна Харузина (в браке — Арандоренко) и Ольга, умершая в 4 года. — ОПИ ГИМ, ф. 81, д. 77, 78. — *Харузина В. Н.* Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет (в печати).

² Вероятно, часть библиотеки Харузиных сгорела при пожаре особняка Харузиных в Москве на углу Кречетниковского и Борисоглебского переулков в 1922 г. (этот дом № 3 был построен архитектором О. И. Бове в 1812 г. В настоящее время не сохранился).

³ Между тем в книге «Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь» (М., 1979), в статье о А. Н. Харузине указывается, что его архив вообще не обнаружен (с. 352—354).

⁴ Предварительные сведения о содержании архива А. Н. Харузина в библиотеке МГУ приводятся нами в заметке: *Керимова М. М., Наумова О. Б.* Архив А. Н. Харузина в библиотеке МГУ. — ЭО. 1995. № 6.

⁵ Инна Евграфовна Огнева (в первом браке Харузина) — жена Олега Харузина, сына А. Н. Харузина. Е. П. Крюкова — племянница И. Е. Огневой любезно предоставила материалы (записи и фотографии) из семейного архива Харузиных, за что выражаем ей огромную благодарность.

⁶ Во всех справочных изданиях дата смерти А. Н. Харузина или вообще не указана, или приводится ошибочно — 1931 год. См., например: *Славяноведение в дореволюционной России...*, с. 352; *Токарев С. А.* История русской этнографии. М., 1966, с. 424.

⁷ *Харузин А. Н.* Заметка к статье П. С. Назарова «К антропологии башкир». — Дневник Антропологического отдела (далее — ДАО). Вып. 2. М., 1890, с. 54—59.

⁸ *Гильченко Н. В.* Материалы для антропологии Кавказа. I. Осетины. СПб., 1890.

⁹ *Харузин А. Н.* О влиянии тюркской крови на иранский тип осетин. — ДАО. Вып. 5. М., 1890, с. 191—197.

¹⁰ *Харузин А. Н.* Заметка о татарах Южного Берега Крыма. — ДАО. Вып. 2, 1890, с. 59—62; *он же.* О росте татар Южного Берега Крыма. — ДАО. Вып. 3. М., 1890, с. 80—87; *он же.* Татары Гурзуфа (Кефалометрические наблюдения над татарами Южного Берега Крыма). — ДАО. Вып. 7. М., 1890, с. 249—270.

¹¹ *Харузин А. Н.* О некоторых соотношениях размеров головы и лица по возрастам у киргизов. — ДАО. Вып. 3. М., 1890, с. 74—80.

¹² *Харузин А. Н.* К антропологии индейцев племени сиу. — ДАО. Вып. 9. М., 1890, с. 373—381.

¹³ *Харузин А. Н.* Древние могилы Гурзуфа и Гутуша. М., 1890.

¹⁴ *Харузин А. Н.* Череп с «Кудеярова обрыва». — ДАО. Вып. 3., с. 94—97; *он же.* Два калмыцких черепа. — ДАО. Вып. 4. М., 1890, с. 117—124; *он же.* Черепа из курганов села Троицкого-Кайнарджи Московского уезда. — ДАО. Вып. 5. М., 1890, с. 186—191; *он же.* Черепа из раскопок В. И. Сизова в Московском уезде. — ДАО. Вып. 6. М., 1890, с. 212—220.

¹⁵ ДАО. Вып. 9. М., 1890, с. 389—390.

¹⁶ См.: *Исмагулов О.* Этническая антропология Казахстана (Соматологические исследования). А.-А., 1982; *Исмагулов О., Сихимбаева К. Б.* Этническая одонтология Казахстана. А.-А., 1989.

¹⁷ *Харузин А. Н.* Курганы Букеевской степи. — Известия ОЛЕАЭ, т. 64 (Труды антропологического отдела. Т. 11, вып. 2). М., 1890.

- ¹⁸ Там же, с. 106.
- ¹⁹ Русский вестник. 1890, № 5, с. 287—289; Русская мысль. 1890, № 6, с. 265—266.
- ²⁰ Степные очерки (Киргизская Букеевская орда. Странички из записной книжки). М., 1888.
- ^{20а} [Рец. на:] *Харузин Алексей*. Киргизы Букеевской орды. — ЭО. 1889. Кн. 2, с. 172.
- ²¹ *Харузин А. Н.* Киргизы Букеевской орды (Антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. М., 1889, с. 14.
- ²² Там же, с. 102.
- ²³ Там же, с. 160.
- ²⁴ См. там же, с. 101, 260.
- ²⁵ Там же, с. 91.
- ²⁶ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984, с. 288.
- ²⁷ *Харузин А. Н.* Киргизы Букеевской орды. Вып. 1, с. 83.
- ²⁸ Там же, с. 260.
- ²⁹ Там же, с. 257—259.
- ³⁰ Там же, с. 286.
- ³¹ ЭО. 1889. Кн. 2, с. 175.
- ³² Русская мысль. 1891, № 8, с. 351—352.
- ³³ *Харузин А. Н.* Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов с 1734 по 1891 г. М., 1891.
- ³⁴ *Алекторов А. Е.* Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань. 1900.
- ³⁵ До «Библиографического указателя» А. Н. Харузина на русском языке вышли два списка литературы о казахах в «Туркестанском сборнике» и «Туркестанском ежегоднике», страдающие неполнотой и отсутствием аннотаций (см.: *Харузин А. Н.* Киргизы Букеевской орды. Вып. 1, с. 16).
- ³⁶ Русская мысль. 1891, № 12, с. 539.
- ³⁷ *Масанов Э. А.* Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР. А.-А., 1966, с. 166.
- ³⁸ История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. 2. А.-А., 1979, с. 255; Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. А.-А., 1985, с. 558.
- ³⁹ *Харузин А. Н.* К вопросу о происхождении киргизского народа. М., 1895, с. 87.
- ⁴⁰ Там же, с. 55.
- ⁴¹ Там же, с. 91.
- ⁴² *Исмагулов О.* Этническая антропология Казахстана, с. 167—168; см. также: *Исмагулов О., Сихимбаева К. Б.* Этническая одонтология Казахстана, с. 221.
- ⁴³ *Харузин А. Н.* К вопросу о происхождении киргизского народа, с. 90.
- ⁴⁴ *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности nomадного общества). А.-А., 1995, с. 242.
- ⁴⁵ *Харузин А. Н.* По поводу брошюры о студенческой жизни в Дерпте. Ревель, 1891; *он же.* Город студентов. Ревель, 1891; *он же.* К вопросу о корпоративном строе студентов в Дерпте. Ревель, 1893.
- ⁴⁶ *Харузин А. Н.* К антропологии населения Эстляндской губернии. — Временник Эстляндской губернии. Под редакцией А. Харузина. Ревель, 1894, с. 2.
- ⁴⁷ См. статьи А. Н. Харузина: Беглый взгляд на деятельность Эстляндского Губернского статистического комитета за 30 лет его существования (с 1863 по 1893 г.); Фактическое положение вопроса о народном продовольствии в Эстляндской губернии; К статистике волостных должностных лиц Эстляндской

губернии за 1893 год; Состояние посевов, ход урожая и результаты урожая хлебов и картофеля по умолоту сравнительно с высеванным зерном в Эстляндской губернии за 1893 год. — Временник Эстляндской губернии. Ревель, 1894.

⁴⁸ Харузин А. Н. Крестьянское землевладение в Эстляндской губернии по данным 1892—1894 г. Вып. 1, 2. Ревель, 1895.

⁴⁹ Там же, с. 194.

⁵⁰ Харузин А. Н. В Совет Императорского РГО. Заявление [действительного] ч[лена] А. Н. Харузина... — Известия РГО. СПб., 1899, т. 35, вып. 7.

⁵¹ Там же, с. 760.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Отчет РГО за 1899 г. СПб., 1900, с. 19.

⁵⁵ Харузин А. Н. Босния—Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австрийской империи (с картой). СПб., 1901, с. 247.

⁵⁶ Там же, с. 246.

⁵⁷ Гильфердинг А. Ф. Босния, Герцеговина, Старая Сербия. — Записки РГО, СПб., 1859, кн. 13; *он же*. Славянские народности Австро-Венгрии и Турции. — Собр. соч. Т. 2. СПб., 1868.

⁵⁸ Харузин А. Н. Босния—Герцеговина, с. 250.

⁵⁹ Там же, с. 35.

⁶⁰ Там же, с. 266.

⁶¹ Там же, с. 90.

⁶² Ровинский П. А. [Рец. на:] А. Н. Харузин. Босния—Герцеговина. — Известия Имп. АН. Отдел русского языка и словесности. СПб., 1902, т. 7, кн. 1—2, с. 401.

⁶³ Пытин А. Н. [Рец. на:] А. Н. Харузин. Босния—Герцеговина. — Вестник Европы. СПб., 1901. Т. II. № 3, с. 402. См. также рецензии анонимных авторов: Русская мысль. М., 1901, № 9; Мир Божий. СПб., 1902, № 10.

⁶⁴ ОПИ ГИМ, ф. 81, д. 67, л. 113 (Дневник В. Н. Харузиной).

⁶⁵ Чуркина И. В. Русские и словенцы. М., 1986, с. 74—126.

⁶⁶ Харузин А. Н. Австрийская Крайна. СПб., 1902, с. 1. А. Н. Харузин приводит данные общей численности словенцев на начало XX в. — 1 млн. 200 тыс.

⁶⁷ Харузин А. Н. Австрийская Крайна, с. 12.

⁶⁸ Там же, с. 23.

⁶⁹ Харузин А. Н. Краинский кряж и его чудесные явления. — Русский вестник. СПб., 1902, № 3—4; *он же*. Национальная эволюция словинцев. — Русский вестник. СПб., 1902, № 7.

⁷⁰ Харузин А. Н. Национальная эволюция словинцев, с. 78.

⁷¹ А. Н. Харузин считает, что из 500 тыс. жителей Краины 360 тыс. заняты земледелием (там же. с. 81).

⁷² Харузин А. Н. Национальная эволюция словенцев, с. 87, 88—99.

⁷³ См.: Рыжова М. И. Письма Антона Ашкерца А. В. Суворову, Ф. Е. Коршу, А. Л. Волинскому, Д. Н. Вургуну. — Литература славянских народов. М., 1960. Вып. 5, с. 212; на отзывы А. Ашкерца в журнале «Ljubljanski zvon» (1902, № 9 и 1903, № 12) ссылается и И. В. Чуркина: Русские и словенцы, с. 126.

⁷⁴ Руководство для собирания сведений о крестьянских постройках. Издание РГО. СПб., 1902.

⁷⁵ Там же, с. 3.

⁷⁶ Там же, с. 5.

⁷⁷ Журнал являлся периодическим изданием Отделения этнографии РГО и выходил под редакцией проф. В. И. Ламанского.

⁷⁸ Харузин А. Н. Крестьянин Австрийской Краины и его постройки. — Живая старина. СПб., 1902, вып. 1, с. 6.

⁷⁹ Там же, с. 11.

⁸⁰ Там же, с. 25.

⁸¹ См.: *Харузин А. Н.* Материалы по истории развития славянских жилищ. Жилище словинца Верхней Крайны. — Живая старина. СПб., 1903. Отд. I. Вып. III, IV, с. 259—357. В ЭО за 1903 г. (№ 3, кн. LVIII, с. 213) помещена анонимная аннотация этой статьи.

⁸² Там же, с. 259—336.

⁸³ Там же, с. 263.

⁸⁴ Там же, с. 264, прил., с. 345.

⁸⁵ Людевит Енко — словенский филолог, создатель Русского кружка в Любляне в 1899 г. Вел в нем бесплатное преподавание русского языка.

⁸⁶ *Харузин А. Н.* Жилище словинца Верхней Крайны, с. 300—301.

⁸⁷ Там же, с. 349.

⁸⁸ Там же, с. 303.

⁸⁹ Там же, с. 306.

⁹⁰ Задруги у словенцев существовали в период раннего средневековья, но социально-экономическое развитие этого региона привело к их исчезновению в большинстве областей значительно раньше, чем в других югославянских землях. См.: *Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.* Брак и семья у народов Югославии. М., 1982, с. 86.

⁹¹ *Харузин А. Н.* Жилище словинца Верхней Крайны, с. 334.

⁹² Там же, с. 338.

⁹³ *Ljubljanski zvon.* 1904. № 10.

⁹⁴ *Харузин А. Н.* Славянское жилище в Северо-Западном крае. Из материалов по истории развития славянских жилищ. — Виленский временник. Вильна, 1907, с. 163.

⁹⁵ Там же, с. 169.

⁹⁶ Там же, с. 172.

⁹⁷ *Зеленин Д. К.* [Рец. на:] *Харузин А. Н.* Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907. — Исторический вестник. СПб., 1908. № 4, с. 353.